

новых знаний, которые вытекают из работы познавательной способности, как она проанализирована Кантом, будут предметом моей следующей статьи.

¹ См.: Брюшинкин В. Н. «Критика чистого разума» и способы построения интеллектуальных систем//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1989. Вып. 14. С. 72—81.

² Там же.

³ Поспелов Д. А. Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1986. С. 107.

⁴ Губерман Ш. А. О соотношении восприятия и мышления в задачах искусственного интеллекта//Интеллектуальные процессы и их моделирование/Под ред. Е. П. Велихова, А. В. Чернавского. М.: Наука, 1987. С. 264.

⁵ См.: Брюшинкин В. Н. Указ. соч.

⁶ Перспективы развития вычислительной техники: В 11 кн.: Справ. пособие/Под ред. Ю. М. Смирнова. М.: Высшая школа, 1989. Кн. 2: Интеллектуализация ЭВМ. С. 16.

⁷ См.: Вайнцвайг М. Н., Полякова М. П. Механизм мышления и моделирование его работы в реальном времени//Интеллектуальные процессы и их моделирование/Под ред. Е. П. Велихова, А. В. Чернавского. М.: Наука, 1987. С. 212—213.

⁸ См. Уинстон П. Искусственный интеллект. М.: Мир, 1980. С. 60.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТНО-РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ И. КАНТА)

И. Д. Коцев

(Калининградский государственный университет)

Когда слово не эгоцентрическое, нет надобности различать случаи его употребления, но мы обязаны провозгласить это различие при употреблении эгоцентрических слов, поскольку то, на что они указывают, есть нечто, имеющее отношение к данному частному случаю употребления слова.

Б. Рассел

Одной из важнейших особенностей текста Канта является его ярко выраженная эгоцентричность. Это обусловлено самим содержанием его учения и, в частности, его теорией познания. Кантовский принцип, идущий, как известно, от Декарта, содержит в себе и принцип «Я говорю». Как отмечает Ю. С. Степанов, понятие о «Я» как средоточии различных ментальных актов субъекта привело затем в лингвистической философии к переосмыслению высказываний типа «X мыслит, что р» (где вместо «мыслит» может стоять «полагает», «считает», «верит» и т. д.), которые стали рассматриваться как эквивалентные высказыванию «X говорит: р», ставящее в основу описания мира координату «Я» как основу лингвистической прагматики (дектики)¹.

Субъектно-речевая структура кантовского текста сложна. Особенно это можно отнести к тексту «Критики чистого разума». Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь самим предметом изложения и своеобразием познавательной ситуации, представленной в тексте, которая может быть охарактеризована как мышление о мышлении или познание познания. Фактически в этом тексте трижды представлено декартовское «Я мыслю». Это, во-первых, «Я мыслю» самого автора, во-вторых, «Я мыслю» эмпирического субъекта, мышление которого описывается, и в-третьих, «Я мыслю» трансцендентального субъекта, носителем которого выступает эмпирический субъект. Принцип утреннего самосознания причудливо пронизывает всю ткань данного текста и кантовского текста вообще.

В своем сочинении «Какие успехи сделала метафизика со времен Лейбница и Вольфа в Германии» Кант отмечает: «Я осознаю самого себя» есть мысль, которая содержит в себе уже двойное «Я»; «Я» как субъект и «Я» как объект. Каким образом оказывается возможным, что я, который мыслит, имею в качестве объекта (созерцания) самого себя, а тем самым отличаю себя от самого себя, невозможно объяснить, хотя это является несомненным фактом»². Первое «Я» есть субъект чистой апперцепции, априорное представление. Второе «Я» — субъект перцепции, эмпирическое сознание. Оно доступно познанию благодаря тому, что в основе всех его восприятий и их связей лежит априорная форма времени.

Третье «Я», как отмечалось выше, это самосознание автора, оно переводит мыслящее «Я» из абстрактного пространства мышления в реальное пространство речи, т. е. текста, определяемое параметрами «я» — «ты» — «он» по горизонтальной (синтагматической) оси текста, а вертикальная (парадигматическая) ось структурирована в соответствии с указанными тремя самосознаниями.

Так как пространство монологического текста — это «театр одного актера», то автору как носителю дискурса приходится выступать в роли всех субъектов речи, представленных в тексте. Как отмечает М. М. Бахтин, автор не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого — как героев, так и совместного события их жизни, то есть целого произведения»³.

В этой связи показательно следующее место из «Критики чистого разума»: «Совершенно очевидно, что когда мы желаем представить себе мыслящее существо, мы должны поставить себя на его место и, следовательно, подменить рассматривае-

мый объект своим собственным субъектом (чего не бывает ни в каком другом случае исследования);...» (3, 726). Таким образом, автор предстает как носитель принципа речевой апперцепции: многообразие субъектов речи становится возможным благодаря «Я говорю» автора, его единству.

Речевая структура текста, отражая парадигматические и синтагматические его параметры, включает три основных подвидов речи: субъектно-центричную речь, объектно-центричную речь и речь адресато-центричную. Маркером субъектно-центричной речи выступает «Я», которое подразделяется на метаязыковое, или авторское «Я», эмпирическое «Я» и «Я» трансцендентальное. Метаязыковым «Я» будет в нижеследующем примере: «Я называю чистыми (в трансцендентальном смысле) все представления, в которых нет ничего, что принадлежит ощущению» (3, 128). Или: «Я должен дать теперь дефиницию этой высшей способности познания и чувствую себя в несколько затруднительном положении» (3, 340).

Авторское «Я говорю» актуализируется в речевых актах, несущих ту или иную иллокутивную установку: утверждение, замечание, пояснение, предупреждение, напоминание и др. Например: «Далее, я *утверждаю*, что перечисленные выше категории суть не что иное, как условия мышления в возможном опыте» (3, 708). Или: «Я *спрашиваю* поэтому, как вы объясняете полное сродство явлений...» (3, 709). Эти высказывания отчетливо делятся на часть, выражающую иллокуцию, и часть, несущую пропозициональное содержание. В примерах выше иллокутивная установка выражена частями «Далее я утверждаю, что...» и «Я спрашиваю поэтому, как...» Остальные несут пропозициональное содержание. Последние вводятся, как правило, подчинительными союзами или другими средствами, например, двоеточием. Обе части могут быть выражены также нерасчлененно в пределах простого предложения, например (с иллокуцией намерения): «Это чистое первоначальное, неизменное сознание я *буду называть* трансцендентальной апперцепцией» (3, 706).

Часто пропозициональная часть подчеркивается специальными лексическими средствами, в частности, сочетанием «а именно» (в оригинале *nämlich*). Например: «Здесь я *сделаю замечание*, влияние которого простирается на все дальнейшие рассуждения и которое необходимо иметь в виду, а именно трансцендентальным... следует называть не всякое априорное знание, а только то, благодаря которому мы узнаем, что...» (3, 158).

Именно потому, что авторское «Я» и эмпирическое «Я» различны, они могут встречаться в пределах одного высказывания. Например: «Действие, которым я² связываю сравнение представлений вообще с познавательной способностью, производящей его, и которым я² распознаю, сравниваются ли пред-

ставления друг с другом как принадлежащие к чистому рассудку или к чувственному созерцанию, я¹ называю трансцендентальной рефлексией» (3, 158). В данном примере я² — эмпирическое, обозначающее эмпирического субъекта, а я¹ — авторское. Обращает на себя внимание разная сочетаемость этих обоих я-субъектов: авторское сочетается с глаголами описательной семантики типа «называть», «объяснять», «определять», «понимать» (в определительном смысле) и др. Второе сочетается с глаголами, выражающими ментальные акты эмпирического субъекта типа «думать», «понимать», «размышлять», «представлять», «созерцать» и др. Иллокутивные акты этих двух субъектов, следовательно, различны. Различны и составляемые ими дискурсы. Проиллюстрировать это можно на следующих двух фрагментах:

1. «Впрочем я *пропускаю* здесь все то, возможность чего можно усмотреть лишь из действительности в опыте, и *рассматриваю* здесь только возможность вещей, основанную на априорных понятиях. О таких вещах я не устаю *утверждать*, что возможность их никогда не вытекает из априорных понятий самих по себе, а что они всегда имеют место лишь как формальные и объективные условия опыта вообще» (3, 284).

2. «Когда я *представляю себе* постоянную вещь так, что все изменяющееся в ней относится только к ее состояниям, то из одного такого понятия я никогда не могу *узнать*, возможна ли подобная вещь» (3, 282).

Из первого примера видно, что это метадискурс, иллокутивная установка которого может быть определена как «я делаю замечание, оговорку». Глаголы «пропускаю», «рассматриваю», «утверждаю» относятся к метаязыку описания. Во втором примере имеет место иллокутивный акт аргументации. Он осуществляется посредством обращения к фактам эмпирического сознания (авторская интраспекция). Об этом свидетельствует семантика глаголов «представлять» и «узнавать». Обращает на себя внимание ярко выраженная пропозициональность, т. е. интенциональность, первого дискурса и онтологичность, т. е. экстенциональность, второго.

Трансцендентальное «Я», как было отмечено выше, Кант понимает как априорную форму единства мышления субъекта. Показательно в этом смысле следующее место из «Критики»: «Между тем в основу этой науки мы можем положить только простое и само по себе совершенно лишенное содержания представление: «Я», которое нельзя даже назвать понятием, так как оно есть лишь сознание, сопутствующее всем понятиям. Посредством этого Я, или Он, или Оно (вещь), которая мыслит, представляется не что иное, как трансцендентальный субъект=X, который познается только посредством мыслей, составляющих его предикаты, и о котором мы, если его обособить, не можем иметь ни малейшего понятия...» (3, 371). По-

сколькx трансцендентальное «Я» своими чистыми понятиями (с помощью категорий и чистых форм созерцания) моделирует эмпирическое мышление и познание, постолькx маркером его в тексте выступает предлог durch — «посредством». Например: «So viel ist gewiss: dass *ich*² mir *durch* das *Ich*³ jederzeit eine absolute, aber logische Einheit des Subjekts (Einfachheit) gedenke, aber nicht, dass *ich*² *dadurch*³ die wirkliche Einfachheit meines Subjekts erkenne»³.

Предлог и определенный артикль подчеркивают «инструментальный» характер трансцендентального «Я», его «вещность», т. е. то, что мыслит.

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным в тексте Канта и, в частности, в «Критике чистого разума», следует различать три уровня рефлексии: уровень эмпирической рефлексии, уровень трансцендентальной рефлексии и уровень метарефлексии. И соответственно этому — три вида дискурса: дескриптивный дискурс, оперативный дискурс, связанный с аргументацией априорных основоположений, и метадискурс.

Степень объективной значимости априорных форм познания возрастает посредством перехода от формы первого лица единственного числа к форме первого лица множественного числа, т. е. «мы», которое, следовательно, выполняет функцию объективации чистых форм познания. Например: «*Мы* не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; *мы* не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как помощью созерцаний, соответствующих категориям» (3, 214).

Еще большая объективация внеэмпирических форм выражается с помощью кванторов всеобщности типа *alle*, *alles*, *gesamt*, *jederzeit* и др., сочетающихся с местоимениями или присутствующих в высказывании, например: «В самом деле, без созерцания *всякое наше* знание лишено объектов и остается в таком случае совершенно пустым» (3, 162).

Подобно тому, как система местоимений первого лица служит выражению различных субъектов речи, описанных выше, точно так же и система местоимения третьего лица служит описанию трех «я-объектов». Она так же иерархична, т. е. мы должны различать он¹, он², он³; они¹, они², они³; этот¹, этот², этот³ и т. д. Объектно-центричная речь, следовательно, столь же иерархична, как и речь субъектно-центричная. Текстовое пространство третьего лица — это пространство многообразного, подлежащего априорному синтезу, и его априорных форм. Отношение между самосознанием эмпирического субъекта и трансцендентального предстает теперь как отношение на уровне объекта между эмпирическим мышлением и познанием (опытом) и трансцендентальным. Это отношение является предметом самосознания автора как носителя теории чистого знания и познания. Авторское самосознание представляет собой, таким образом, систему, состоящую из трех субъект-объектов.

Так как специфика местоимений третьего лица состоит в их дейктичности, то они могут указывать лишь на то, что прошло процесс номинализации с помощью терминологической лексики. Чтобы местоимение третьего лица начало выполнять свою функцию, высказывание должно быть построено «от объекта». Например: «Трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятии об объекте. Поэтому оно называется объективным, и *его* следует отличать от субъективного единства сознания...» (3, 196). В данном примере предметом высказывания является понятие «трансцендентальное единство апперцепции», формы «оно», «его» соотносятся с ним.

Связь между субъектом и объектом, их единство обеспечивается системой притяжательных местоимений, которые задействованы для выражения категории самосознания. Например: «Это последнее положение, как показано, само имеет аналитический характер, хотя оно делает синтетическое единство условием всякого мышления; в самом деле, в нем речь идет лишь о том, что все *мои* представления в любом данном созерцании должны быть подчинены условию, лишь при котором я могу причислять их как *свои* представления к тождественному «Я» и поэтому могу объединять их посредством общего представления «я мыслю» как синтетически связанные в одной апперцепции» (3, 196). Естественно, что и грамматическая категория возвратности принимает в этом участие, как это можно видеть из следующего места: «...поэтому я могу познавать *себя* лишь так, как я *себе* только являюсь в отношении созерцания..., а не так, как я познал бы *себя*, если бы мое созерцание было интеллектуальным» (3, 209).

Так как свойства мышления эмпирического субъекта привлекаются в качестве обоснования и доказательства тех или иных метаутверждений относительно трансцендентального субъекта, то в тексте иллокутивные акты первого следуют, как правило, за иллокутивными актами второго, т. е. авторского «я». Например: «Таким образом, *наши*¹ утверждения показывают эмпирическую реальность времени, т. е. объективную значимость его для всех предметов... А так как *наше*² созерцание всегда чувственное, то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, не подчиненный условию времени» (3, 139). Таким образом, система личных местоимений 1-го и 3-го лица, а также связанные с ними притяжательные и возвратные местоимения образуют в кантовском тексте трехуровневую структуру отношений, соответствующую трем самосознаниям, представленным в тексте. Местоимения 1-го лица вводят субъектно-центричную речь, местоимения 3-го лица обслуживают объектно-центричную речь, а притяжательные и возвратные выполняют связующую роль между ними, отражая единство субъекта и объекта. Данное единство обуславливает и единство текста,

который представляет собой, в частности, различные комбинации подвидов субъектно-центричной и объектно-центричной речи.

Рассмотрим речевую структуру следующего сверхфразового единства: (1) «Экстенсивной я¹ называю всякую величину, в которой представление о целом делает возможным представление о частях... (2) Я² могу представить себе линию, как бы мала она ни была, только проводя ее мысленно, т. е. производя последовательно все ее части, начиная с определенной точки... (3) То же самое относится и ко всякой, даже малейшей части времени. (4) Я² мыслю в нем лишь последовательный переход от одного мгновения к другому, причем посредством всех частей времени и присоединяя их друг к другу возникает наконец определенная величина времени. (5) Так как чистое созерцание во всех явлениях есть пространство, или время, то всякое явление как созерцание есть экстенсивная величина, ибо...» (3, 238).

В этом сверхфразовом единстве представлены: субъектно-центричная речь (1, 2, 4) и объектно-центричная речь (3, 5). Первая делится на субъектно-метаречевую (1) и субъектно-интроспективную (2, 4). Иллокутивная структура данного сверхфразового единства состоит из следующих актов: «я определяю» (1), «я обосновываю» (с помощью интраспекции) (2, 4), «я провожу аналогию» (3) и «я обобщаю» (5). Все перечисленные иллокутивные акты входят в более общий иллокутивный акт с композиционной функцией «провожаю аналогию». Начало операции аналогии маркировано дейктическим сочетанием «то же самое».

Таким образом, субъектно-речевая структура текста «Критики чистого разума» по его вертикальной оси представляет собой трехуровневую систему субъектно-центричной речи и подобную же систему объектно-центричной речи. Обе подсистемы образуют единое целое, обусловленное концептуальным единством; это целое обеспечивает единство иллокутивных актов и единство текста.

Горизонтальная ось текста — это ось адресато-центричной речи. Как отмечает М. М. Бахтин, «всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т. д.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает»⁴. И далее: «Если мы превратим диалог в один сплошной текст, то есть сотрем разделы голосов (смены говорящих субъектов), что в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку»⁵. Адресато-центричная ось — это ось представления текста как диалога. Сложность предмета изложения, стремление к достижению адекватности его понимания читателем заставляют Канта постоянно обращаться

к читателю, направлять процесс восприятия им текста, предупредить возможное неправильное понимание, уточнить сказанное, полемизировать с воображаемым оппонентом, другими теориями и их авторами и т. д. Все эти иллокутивные акты сопряжены, как отмечалось выше, с грамматическими субъектами, образующими горизонтальную ось текста: я (мы) — ты (вы) — он (они).

О формах речи, связанных с первым лицом и его иллокутивными актами, частично уже говорилось выше. Следует добавить, что в некоторых случаях автор может передавать свою речь в форме «мы» своему оппоненту, оставаясь присутствовать в форме «мы», обозначающей эмпирического субъекта, например: «Если сетование *«мы¹* не познаем ничего внутреннего в вещах» должно обозначать, что чистым рассудком *мы²* не можем понять, каковы являющиеся вещи сами по себе, то такое сетование несправедливо и неразумно» (3, 325). Как следует из данного примера, передача речи оппоненту происходит при реализации автором иллокутивного акта негативной оценки мнения оппонента, которая требует цитирования слов его.

Ближайшим к первому лицу на оси адресато-центричной речи является второе лицо «ты» («вы»). Наиболее типичным иллокутивным актом, связанным с этим лицом в научной речи, является речь полемическая: «...или возьмите положение, что из трех прямых линий можно образовать фигуру, и попытайтесь вывести его только из этих понятий. Всякое ваше усилие окажется напрасным, и *вам* придется прибегнуть к созерцанию, как это и делается в геометрии» (3, 148). Сюда же относится и прямое обращение к оппоненту с вопросом типа: «Так как положения геометрии можно познать синтетически а priori и с аподиктической достоверностью, то я спрашиваю, откуда получаете *вы* такие положения и на чем основывается *ваш* рассудок...?» (3, 147).

Если полемике придается не прямой, а косвенный характер, речь строится как обращенная к третьему лицу, координата которого находится еще дальше на оси от центра, чем координата «ты». Например: «Если *кто-либо* после всех этих разъяснений все еще не решается отказаться от чисто трансцендентального применения категорий, то пусть *он* сделает попытку построить из них какое-нибудь синтетическое утверждение» (3, 312—313).

Обобщенный носитель оппонированного мышления может быть выражен также неопределенно-личным местоимением *man*. В русском переводе эта форма передается либо безлично, либо формой глагола во множественном числе 3-м лице, как например: «Однако здесь *упускают* из виду, что таким путем понятие причины вовсе не может возникнуть...» (3, 186).

Иллокутивные акты, связанные с этим субъектом, весьма различны и обусловлены тем, какая роль в процессе рассуж-

дения отводится этому «некто». Оно может, например, выступать как доминирующее лицо в акте коммуникации, обуславливая иллокутивный акт просьбы. Например: «*Да будет мне позволено называть место, уделяемое нами понятию или в чувственности, или в чистом рассудке, трансцендентальным*» (3, 319). Это лицо может также привлекаться автором для соучастия в процессе аргументации или как свидетель правильности проделанного рассуждения, например: «*Поэтому тот, кто снова обратится к нашему доказательству принципа причинности, заметит, что мы могли доказать его только в отношении объектов возможного опыта;...*» (3, 296). Часто это лицо выступает носителем обыденного мышления. Например: «*В самом деле, обычно относительно некоторых знаний, выведенных из эмпирических источников, говорят, что мы...*» (3, 106). Если это лицо выступает в качестве носителя определенной теории, к которой автор выражает свое отношение, то место «он» получает конкретные переменные: Юм, Платон, Лейбниц, Вольф, скептик, идеалист и т. д.

Таким образом, структуру кантовского текста можно представить в виде модели, состоящей из вертикальной и горизонтальной осей, на которых располагаются в определенной последовательности координаты различных субъектов речи. Вертикальная ось — это ось субъектно- и объектно-центричной речи, горизонтальная ось — ось адресато-центричной речи. К каждому речевому субъекту «привязаны» определенные иллокутивные акты, обусловленные функцией данного речевого субъекта в тексте. Единство субъектов речи обусловлено принципом речевой апперцепции автора.

¹ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 176.

² Kant I. Welches sind die wirklichen Fortschritte, die Metaphysik seit Leibnitz's und Wolf's Zeiten in Deutschland gemacht hat//Immanuel Kants kleine logisch-metaphysischen Schriften. Leipzig, 1838. S. 500—501.

³ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979, S. 434a.

Мы приводим немецкий текст, так как в переводе различия между эмпирическим и трансцендентальным «я» не столь отчетливы, как в оригинале. Русский перевод этого места гласит: «Достоверно во всяком случае то, что посредством «я» мы всегда представляем себе абсолютное, хотя и логическое единство субъекта (простоту), но это не означает, что тем самым мы познаем действительную простоту своего субъекта» (3, 727). В переводе использована форма с «мы», в то время как в оригинале стоит эмпирическое «я».

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 305.

⁵ Там же. С. 364.